

УДК 821.161.1, ББК 84(2Рос=Рус)6, С89

Змеед / Виктор Суворов. — М.: ООО «Издательство
«Добрая книга», 2020. — 240 с.

ISBN 978-5-98124-746-0.

Отпечатано в России.

Действие остросюжетной исторической повести Виктора Суворова «Змеед» разворачивается в 1936 году в обстановке непрекращающейся борьбы за власть, интриг и заговоров внутри руководства СССР. Повесть рассказывает о самом начале процесса укрощения Сталиным карательной машины Советского Союза; читатель узнает о том, при каких обстоятельствах судьба свела друг с другом главных героев романов «Контроль» и «Выбор» и какую цену пришлось заплатить каждому из них за неограниченную власть и возможность распоряжаться судьбами других людей.

Повесть «Змеед» — уникальная историческая реконструкция событий 1936 года, а прототипами ее главных героев — Александра Холованова, Ширманова, Сей Сеича и других — стали реальные исторические личности, работавшие рука об руку со Сталиным и помогавшие ему подняться на вершину власти. В центре повествования — карьера главного героя по кличке Змеед в органах НКВД от простого наблюдателя, агента наружной слежки и палача, исполнителя смертных приговоров, до уполномоченного по особо важным делам, заместителя одного из приближенных Сталина и руководителя специальной ударной группы, проводящей тайные операции в зарубежных странах.

Издательство «Добрая книга»

Адрес для переписки (e-mail): mail@dkniga.ru

Адрес нашей страницы в Интернете: www.dkniga.ru

Все права защищены. Любое копирование, воспроизведение, хранение в базах данных или информационных системах, передача в любой форме и любыми средствами — электронными, механическими, посредством фотокопирования, записи или иными, включая запись на магнитный носитель, — любой части этой книги запрещено без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Виктор Суворов, 2011.

© ООО «Издательство «Добрая книга», 2011–2018 —
издание на русском языке, оформление.

Перед началом Великой чистки в высшем руководстве НКВД был 41 комиссар Государственной безопасности.

Звание Генерального комиссара ГБ равнялось званию Маршала Советского Союза. Это звание тогда носил только один человек. Он был арестован и расстрелян.

*Из семи комиссаров ГБ 1-го ранга
были арестованы и расстреляны семеро.*

*Из 13 комиссаров ГБ 2-го ранга —
арестованы и расстреляны 11, один отравлен
в кабинете нового заместителя главы НКВД, который,
в свою очередь, через год был арестован и расстрелян
уже во второй волне очищения.*

*Из 20 комиссаров ГБ 3-го ранга
трое покончили жизнь самоубийством,
15 арестованы и расстреляны, один бежал
в Маньчжурию, где позднее был убит японцами.*

*Из 41 комиссара Государственной безопасности,
которые накануне Великой чистки руководили
тайной полицией Советского Союза, 1937 и 1938 годы
пережили двое. После смерти Сталина один из них
был арестован и расстрелян, второй арестован,
во время следствия сошел с ума и умер
в психиатрической клинике тюремного типа.*

ПРОЛОГ

— Выходит, что за всю свою жизнь ты не убил ни одного человека?

— Так оно и выходит: ни одного.

— Вообще ни одного?

— Да все как-то не выпадало.

— Никогда-никогда?

Совсем парень смутился:

— Никогда...

— Ну, ты даешь! Тебе скоро двадцать один, а ты...

— Так жизнь складывалась, что...

— А ты вспомни. Может, в юности... Ну хоть одного... или, быть может, в детстве?

— Не убивал.

— Зачем же тебя к нам прислали?

— Не знаю. Подписан приказ к вам явиться, вот и явился. Начальству виднее.

— Кем же ты раньше был?

— Разведчиком-наблюдателем по восьмой платформе Северного вокзала*.

Переглянулись исполнители, присвистнули: вот это карьера!

* С 1922 по 1955 год Северным назывался Ярославский вокзал.

— Ты, паренек, видно, с начальством дружишь: из разведчика-наблюдателя да прямо в подручного исполнителя в Лефортове! Такого взлета до тебя никто не делал. Такой приказ мог подписать только сам Народный комиссар товарищ Ягода.

— Вот он самый и подписал.

— Кто же тебя по служебной лестнице с такой скоростью тянет?

— Не знаю, кто тянет. Честное комсомольское, не знаю. Нет у меня блата. Безродный я. Из беспризорных. Знаете в Болшеве колонию НКВД для босяков? Имени товарища Дзержинского. Так я оттуда. Перековали, перевоспитали, — и в разведку. Два года на десятой платформе наблюдателем работал, потом повысили, на восьмую перебрали. Год я там отмотал, обещали на седьмую платформу перевести за ударный труд, а тут вдруг — бац: приказ — подручным исполнителя...

— Тут что-то не так. Так не бывает. Чтобы до таких высот дойти, люди всю жизнь трубят. И очередь в нашу группу длиннее Беломорско-Балтийского канала. К нам заслуженные люди просятя — не берем... К нам исполнители из республиканских наркоматов рвутся, мастера с многолетним стажем...

— А меня сразу к вам...

— Да может мы тебя в свой коллектив не возьмем, неграмотного! На кой ты нам?

— Так прикажете и доложить в секретариат товарища Ягоды? Приказ им лично подписан.

— Приказ — дело серьезное. Да только у нас коллектив сплоченный. Не вступишь — выживем. И товарищ Ягода не поможет. Сам от нас попросишься. У нас работа серьезная. Мы последнюю точку в каждом деле ставим. Тут соображать надо. Давай-ка мы тебя на сообразительность проверим. Готов?

— Готов.

— Вот смотри: перед исполнением надо совершенно

точно удостовериться, что это именно тот, кто тебе нужен. Для этого клиента к нам сюда заводят. Вот прямо в этот кабинет. Клиент не знает, что его прямо сейчас — того. Обстановочка у нас, как видишь, располагающая, даже занавесочка на окне. Я за столом сижу. Дело передо мной. Листаю странички. Мы тут вежливость блюдем. Ему сесть предлагаю. И вопросыки — про имя-отчество и год рождения... А на столе у меня по правую руку — пачка «Казбека» и спички. Что бы ты по левую руку положил?

В потолок парень взгляд метнул. Но на потолке ответа не оказалось. Посмотрел в окно. Но и там ничего интересного не обнаружил. Пришлось соображать самому. И он сообразил:

— Кулек мятных пряников.

Переглянулись исполнители. Согласились молча: верно парнишка мыслит.

ГЛАВА 1

1

— **М**еня Иолантой зовут.
— А меня... — он на мгновение задумался. — А меня — Иваном Ивановичем.

— Вот и познакомились, Иван Иванович.

— Сколько же тебе, Иоланта, годиков?

— Уже восемнадцать, — глазом не сморгнув, — привычно соврала Иоланта.

— И... сколько это стоит?

— Три рубля.

— Сдурела?

— Найдите дешевле.

— Давай за два.

Смерила Иоланта оценивающим прищуром глубину бездонного неба и согласилась:

— Пусть будет два, только денежки вперед.

Так быстро она согласилась, что он даже пожалел: можно было бы рубль предлагать, а то и полтинник. Но было уже предложено и уже принято.

— Ладно. А где?

— У меня место есть.

— Что за место?

— Через площадь привокзальную, через трамвайные линии, за угол, там, в переулке, — трактир, за трактиром — конюшня, на чердаке — сеновал. Никого там нет, на сеновале.

— Хорошо. Только я заплачу, когда придем. Чтоб не удрала с денежками.

— Ах, мы такие недоверчивые... Идите за мной, только по той стороне улицы. И на меня все время не смотрите. Вроде гуляете. Вроде меня не знаете и не замечаете.

2

— Итак, все с самого начала.

— Товарищ Генеральный комиссар Государственной безопасности, все было как всегда. Но на этот раз лопнуло колесо...

— Надо было сменить.

— Запасное оказалось с проколом.

— Надо было звонить.

— Звонил, никто не отвечал, снова...

— Короче, на сколько вы опоздали?

— На два часа девять минут.

— Дальше.

— Прибыл на Северный вокзал с опозданием. Обыскал все. Его не было.

— В милицию обращались?

— Конечно, нет.

— Правильно. Так где же он?

— Не знаю, как сквозь землю.

— «Владивосток — Москва» прибыл на первую платформу?

— Как всегда, на первую.

— Выяснили, кто работал на первой?

— Должен был Звонарев, агентурный псевдоним — Брыль. Но он на переподготовке. Вместо него работал Змеед с восьмой платформы.

3

— Здравствуйте, Змееед.

— Здравия желаю, товарищ Народный ко...

— Дома я просто Генрих Григорьевич.

— Здравствуйте, товарищ Генрих Григорьевич.

Подал Генрих Григорьевич руку. Пожал Змееед нежную белую ладонь Народного комиссара внутренних дел.

— Садитесь.

Садится Змееед, а сам замечает: народный комиссар под столом эдак незаметно руку платочком вытер, да платочек батистовый с буквами вышитыми — в мусорную корзину. Опять же — незаметно. Но Змееед не зря три года разведчиком-наблюдателем на Северном вокзале оттрубил. Змееед все видит. Только виду не подает. Так приучен. У больших начальников, известное дело, к своим рукам почтение. Предшественник товарища Ягоды, товарищ Менжинский, ту же манеру имел, — в Болшево, в колонию беспризорную приезжал, всей шпане ручки жал. А потом, бывало, зайдет за уголок, чтоб незаметно, а там из особой канистры ему на руки спирт льют. Беспризорные ему однажды сказали, что лучше бы он им руки не жал и свои ладони спиртом не отмывал, а сразу бы им канистру отдал, так они б его за то пуще бы полюбили...

— Итак, дорогой Змееед, у вас теперь новая работа.

Подумал Змееед, что бы такое ответить, но ничего умного не придумал. Вместо ответа головой мотнул.

— Нравится?

— Еще бы!

— Это я вас на такую высоту поднял.

— Спасибо, Генрих Григорьевич.

— Приказ пока предварительный, но если будете хорошо работать, подпишу приказ окончательно.

— Постараюсь.

— Теперь — к делу. Прежде всего, подпишите вот эту

бумагу. Это расписка о неразглашении. Вы, Змеед, никогда на моей даче не бывали, никогда меня не встречали, никогда со мной не говорили.

— Понял.

— Если понял, распишись. И выйдем в сад. Тут душно.

4

— Люська!

— Да.

— Люська, ты кого, стерва, привела?

— Бобра.

— Так он же чекист.

— А мне почему знать?

5

— Вот, товарищ Змеед, десять фотографий. Вы кого-нибудь из этих людей видели вчера на первой платформе Северного вокзала?

— Видел вот этого. Курьерский «Владивосток — Москва», прибыл в пятнадцать часов десять минут. Он вышел из шестого вагона.

— Постойте... В поезде двенадцать вагонов. В Москве выходят все пассажиры. И встречающих — толпа. Смена ваша — восемь часов. За смену вон сколько поездов приходит и уходит. И вы одного разглядели? Одного запомнили? Он чем-то привлек внимание?

— Нет, этот неприметным был. Но я всех разглядываю. Работа такая.

— Продолжайте.

— Этот был в сером костюме, в шляпе, с портфелем. Думаю, чекист. Средней руки начальник.

— Нет, нет. Он не чекист. А почему вы так решили?

— Просто повидал их на веку. Предположил...

— Вы ошиблись.

— Минут через пятнадцать, когда толпа схлынула, он снова на платформе появился. Явно кого-то искал.

— А потом?

— Потом ушел.

— Этот человек исчез. Как вы думаете, куда он мог пропасть?

— Вариант самый верный: жиганцы выставили шлендру гулящую и взяли бобра на прихват.

Сморщился народный комиссар:

— Вы по-русски можете?

— Простите, Генрих Григорьевич. Ехал человек почти две недели в поезде, а до того, может быть, пароходом шел на материк четыре, а то и пять дней, истомился, и тут — Москва, вышел на перрон, никто не встречает, походил, подождал, еще походил, а на площади трех вокзалов фартовые девочки промышляют...

— И что потом?

— Потом заведет такая лярва в укромный уголок, предложит выпить для начала. Сама, лахудра позорная, понятно, первая пьет, потом ему наливает. В этот момент ловкость рук все решает. Он глотнет — и с копыт. Тут партнеры проявляются, склячивают клифт, лопатник, бранзулетки...

— А с ним что?

— А его под мост или в кусты на кладбище бросят. Отойдет он, голенький, через сутки — в голове шум, ничего не помнит. Вот только если он чекист, тогда хуже ему будет.

— Почему хуже?

— Потому что жиганцы залезут в лопатник, сообразят, на кого нарвались. Чекист так дело не оставит, всю жизнь потом их искать будет. Так чтоб не искал...

— Вот что, Змеед, этого человека надо найти. Может быть, он еще жив. Это очень важно. Я вам обеспечил небывалое повышение, еще и квартиру дам, будущее устройю, на вашей новой работе — самая высокая зарплата и много

свободного времени. Все свободное время — на поиски. Докладывать только мне. Как думаете искать?

— Тут, товарищ Генеральный комиссар Государственной безопасности, не мне вам подсказывать: надо оповестить райотделы НКВД Москвы и Подмоскovie, обшарить все чердаки и подвалы, все пустыри, развалины, сады, парки, разослать фотографию: пропал человек...

— Нет, нет, только не это...

— Тогда путь один: искать завлекалку. Всех шмар, которые регулярно на трех вокзалах промышляют, я знаю. Туземная лярва на такое не пойдет. Да ее и не поставят. На такое дело только залетная годится.

— И вы вчера на вокзале... заметили новенькую, залетную?

— Приметил.

— Что вам нужно для поиска?

— Дайте мне картотеку на всех малолетних марух и воровак Союза. Желательно по районам — от Москвы до самых до окраин. Кроме того, в каждой московской школе, в каждом классе в конце учебного года групповые фотографии делают... Нужно собрать все фотографии со всех школ, детских домов, колоний для несовершеннолетних за последние два-три года... Уж больно нездoрeлая мелькнула.

— Собирать фотографии не надо. У нас в НКВД они все собраны. Я отведу вам помещение. Но если... Если она... не московская?

— Тогда буду искать ярославских, тульских, тверских...

— На завтра у вас много работы в Лефортове?

— Нет, у меня два свободных дня, а потом у нас на исполнении один только Зиновьевец с процесса.

— Поступим так. В саду за яблонями и за сиренью — небольшой домик. Там никого нет. Вам подготовят место для работы, постель, обеспечат питанием. Повару заказывайте все, что только пожелаете. Мой секретарь Павел Петрович доставит каталоги малолетних преступниц.

Потом подвезет фотографии со всех школ Москвы. Приступайте к работе прямо сейчас.

6

Дача, скорее поместье Народного комиссара внутренних дел СССР Генерального комиссара Государственной безопасности Ягоды Генриха Григорьевича — в поселке Коммунарка. Тут же — расстрельный полигон, который по размаху деятельности ничуть не уступает полигонам в Барыше, Бутово, Струмилино и даже в Куропатах.

Хорошо то, что от Москвы совсем близко. Врагов центральных по московским тюрьмам стреляют. Но это, так сказать, штучное производство. В редкие ночи — по несколько десятков. А если три-четыре сотни сразу, так это сюда, вон за те глухие ворота.

Еще и то хорошо, что не надо сил много тратить на охрану многих объектов. В Коммунарке все в одном букете — и дачи руководства, и дом отдыха чекистов, и учебный центр с небольшим стрельбищем, и, ясное дело, — спецучасток за высоким серым забором.

Красота неопишутая. И тишина, когда расстрелов нет. Но и расстрелы особо тишины не расстраивают. Сосны вековые и зеленые елки надежно стрельбу глушат.

Сад у Народного комиссара огромный: яблони, вишни, крыжовник, смородина красная и черная, ежевика. А дальше в глубину — море сирени и черемухи. И там, в зарослях, — домик бревенчатый. Павел Петрович Буланов, секретарь Народного комиссара, завалил этот домик фотографиями. Звание у товарища Буланова — старший майор Государственной безопасности. В петлицах у него по два ромба, как у армейского комдива. У буржуев его бы генерал-лейтенантом величали. А в рабоче-крестьянском государстве генералов нет и быть не может. Генерал — пережиток проклятого прошлого.

Приветлив Павел Петрович. Все выспрашивает, не по-

мочь ли чем. А чем Змееду поможешь? Он один смазливое личико в толпе приметил и тогда еще сообразил, что девочка не из приезжающих и не из уезжающих, не из встречающих и не из провожающих. Кто еще на вокзалах и вокруг вертится? Только тот, кто тут работает. И тот, кто чем-то промышляет.

Всех, кто на Северном вокзале работает, Змеед знает. Она — не из тех. Следовательно...

7

Весь пол папками фотографий запружен. Все столы и полки. Работает Змеед. Только иногда его от работы повар отвлекает. Персональному повару наркома в этот домик вход заказан. О работе Змееда знают только товарищ Ягода и товарищ Буланов. Повару положено три раза в день в дверь осторожно стукнуть: чего изволите?

Змеед изволил водочки клюквенной и вареников с вишнями да со сметаной. Водочки — чтоб немного совсем. Для аппетита. А вареников — до отвала. Ну, а что на завтрак? И на завтрак вареников. И на обед. Так и далее держать.

Повар в саду под деревьями стол синей скатертью стелет. В тени. Тут бы самое время напиться досыта и завалиться под вишнями. Но нет на то времени. Ночь, день и еще ночь и день. Три часа сна, потом и еще два, и еще три.

— Вот эта.

— Уверены?

— Очень похожа.

8

На Красной Пресне, прямо возле тюрьмы, — высоченные заборы. Над заборами еще и проволока колючая. Въезд — через стальные ворота с красными звездами, вход — че-

рез проходную с суровыми вооруженными вахтерами. Это — Военно-пересыльный пункт, ВПП.

За заборами — здания типа барачков. Только бараки те — кирпичные, крепко сложенные еще Государем Николаем Александровичем. Окна — почти под потолками. По метру высотой, по два с половиной шириной. Чем-то на орудийные амбразуры похожие. Входишь — зал с кафельным полом. У входа — дневальный. Кого ни попада сюда не пустят. Вправо и влево от главного зала — спальни. Койки — солдатские, железные. В два яруса. 160 мест в правой спальне. 160 в левой. Это общежитие холостяков Первой боевой группы Пятого отдела Главного управления Государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. Тут живет Змеед. У него — свободный выход за ворота: захотел — вышел, захотел — вошел. Хоть в полночь, хоть к рассвету. У Змееда — собственное спальное место и тумбочка, в железном шкафу — собственная секция с висячим замком. В шкафу — шинель со споротыми петлицами, пара яловых сапог, сапоги резиновые, полуботинки фабрики «Скороход», брезентовый плащ, полушубок, шапка-кубанка, валенки с резиновыми галошами, три рубахи, штаны запасные, револьвер с патронами и кастет.

Кастет свинцовый Змеед сам себе смастерил. Собрал пуль в тире, выплавил свинец, форму вылепил и отлил. Кастет в кармане неудобно носить — оттягивает. Потому Змеед заказал сапожнику кожаную сумочку на ремень. На дежурство он с револьвером ходит, а кастет — с собой, так, на всякий случай. Федя Сверчок, который все знает, давно разъяснил Змееду, что «кастет» — слово французское, *casser* — «разбивать», *tête* — «голова». *Casse-tête* — головоломка. Но русские термин заморский слишком прямолинейно истолковали.

Сидит Змеед на кровати, на синем суконном одеяле с черными полосочками, соображает. Все вроде хорошо. И что-то не хорошо. Новая работа подручного исполнителя интересна, увлекательна, почетна, денежна. В дни

исполнения стограммовая доза предусмотрена, но дают сколько хочешь, на нормы не глядя. И кормят кашей гречневой с маслом, с котлетами. Худо ли? Но почему-то не нравится Змееду история с пропавшим на Северном вокзале пассажиром.

В дальнем углу Федя Сверчок книжку читает. Федя всегда читает. Не отрываясь. Подсел к нему Змеед:

— Слушай, очкастый, а как при царе Иване следствие вели?

— Два варианта: со следами и без.

— И как — со следами?

— Самый простой способ — веревками перетирали руки, ноги, живот или еще какие нежные места.

— А без следов?

— Способов уйма. Кладут на спину, руки-ноги растягивают и вяжут, на брюхо и на грудь — блюдо железное, на блюдо — гирю пудовую, одну, другую, если мало — третью...

— Какое злодейство самое страшное?

— Ясное дело: умысел на царя. Крикнет холоп Ивашка «Слово и дело!» — и закрутилась карусель.

— Что значит «слово и дело»?

— Это формула такая. Крикнул на площади, крикнул в трактире, и никто тебя после того тронуть не смеет. Наоборот, каждый тебя охранять должен. Клич этот означал, что ты что-то знаешь про заговор. Тебя каждый обязан был проводить прямо к царю. А кто против тебя пойдет — того огнем жечь будут: зачем правде путь пересекаешь, зачем ей перечишь?

— А если я в шутку «слово и дело» крикнул? Если крикнул, да ни черта не знаю?

— Тогда тебя на скотобойне под ребро на крюк подвесят. Чтоб не шутил. Или посадят в котел с водой, разведут под котлом большой огонь и сварят. А выпрыгнуть не позволят. На то дюжие мужики с молотками приставлены. Еще могут за ноги подвесить на двух веревках, так, чтоб

ноги в разные стороны растянuty были. И пилой по промежности надвое распилят. Вдоль хребта к голове.

— Понятно, — сказал Змееед и вздохнул почему-то глубоко и протяжно.

Пошел в свой угол, достал лист серой бумаги, конверт, чернильницу и ручку со стальным скрипучим пером. Сначала написал на конверте: «Красная Пресня. ВПП. Спросить Змеееда».

Долго молчал, невидящим взглядом уставившись в чистый лист. Потом решительно вывел большими буквами: «Слово и дело».